

Политика Англии в Восточном Средиземноморье в начальный период итало-греческой войны (октябрь — декабрь 1940)

Осенью 1940 г. началась новая фаза военно-политического противоборства ведущих держав империализма. Англо-американское соглашение о базах и эсминцах и Тройственный пакт свидетельствовали об углублении раскола капиталистического мира, что предвещало расширение войны и втягивание в нее новых участников.

События с октября по декабрь 1940 г. в Восточном Средиземноморье занимают важное место в истории второй мировой войны. В этой фазе борьбы державы оси неожиданно потерпели поражение, произошла задержка в реализации замыслов фашистской экспансии на Балканах и Ближнем Востоке. Для Англии это имело очень важное значение.

Проблемы борьбы империалистов в Восточном Средиземноморье в тот период получили некоторое освещение в советской литературе¹. Но политика Англии изучена пока недостаточно. Буржуазная историография, уделяя этому сюжету большое внимание, в сущности фальсифицирует проблему, акцентируя внимание на якобы бескорыстной помощи, которую Лондон оказал Греции после нападения Италии². Тем важнее специально исследовать вопрос о характере и направлениях английской политики в Восточном Средиземноморье в указанный период. В данной статье главным образом на основе британских архивных материалов особое внимание обращено на выяснение замыслов Англии в отношении Греции и Турции.

В начале октября 1940 г. гитлеровцы приступили к разра-

¹ Смирнова Н. Д. Балканская политика фашистской Италии. М., 1969; Филатов Г. С. Крах итальянского фашизма. М., 1973; История второй мировой войны 1939—1945. В 12-ти т. М., 1974, т. 3, гл. 7.

² Батлер Дж. Большая стратегия. Сентябрь 1939 — июнь 1941. М., 1959; Ansel W. Hitler and Middle Sea. Durham, 1972; Crevel M. L. Hitler's strategy 1940—1941. The Balkan clue. L., 1973; Playfair I. S. The Mediterranean and Middle East. L., 1954, v. 1.

ботке конкретных планов агрессии в рамках только что принятой «единой стратегии» держав оси в Средиземноморье³. На встрече двух диктаторов в Бреннере 4 октября большое внимание было уделено Северной Африке. Гитлер гораздо настойчивее, чем раньше, говорил о «готовности предоставить в распоряжение Италии для захвата Египта танковые части, штурмовую авиацию и истребители дальнего действия», а также особые мины для минирования с воздуха Суэцкого канала⁴. Итальянцы впервые с момента постановления Берлином вопроса об участии немецких сил в борьбе за Северную Африку формально согласились с этой помощью. Но они оговорили, что «просят 100 тяжелых танков и пикировщики» только для заключительного этапа наступления в Египте непосредственно на дельту Нила. Таким образом, реализация этой уступки была отложена.

В протоколах Бреннерской встречи положение в Восточном Средиземноморье почти не упомянуто, но участники бесед с обеих сторон подтверждают, что Гитлер высказал мнение о возможном сдвиге центра тяжести войны в восточный бассейн Средиземного моря. Вероятно, в личной беседе с Муссолини фюрер одобрил планы нападения Италии на Грецию, не посвятив в это даже ближайшее окружение. Не случайно 5 октября, тотчас по возвращении с Бреннера, Муссолини приказал своему генштабу отложить в сторону югославские планы и заняться греческой проблемой: «Акция против Греции вновь выдвигается в порядок дня, она не должна ограничиться ближайшими целями, а имеет в виду устранение британского плацдарма. Не Чамурья, а Салоники и греческие морские базы, т. е. вся Греция»⁵.

Но в Берлине не собирались оставлять Грецию полностью на «попечение» Рима, там прикидывали собственные планы на этот счет. 1 октября Гитлер в беседе с генералом Ганzenом, командующим войсками, предназначенными для посылки в Румынию, обратил внимание на возможность создания англичанами плацдарма в Салониках в обозримом будущем: «Они проводят подготовку к этому на Ближнем Востоке, но это не должно повториться». Из этой беседы Ганзен вынес впечатление, что «наблюдение за Грецией должно стать главной задачей»⁶. Действительно, «наблюдение за Грецией» становилось важной задачей вермахта, ибо Германия намеревалась в неда-

³ О разработке этой стратегии см.: Чевтаев А. Г. Разработка Англией и Германией планов военно-политической борьбы в Восточном Средиземноморье (июнь — сентябрь 1940). — В сб.: Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке 1933—1943. Свердловск, 1979.

⁴ Гальдер Ф. Военный дневник. М., 1969, т. 2, с. 187.

⁵ KTB OKW, Bd. 1, S. 124; Ansel W. Hitler and Middle Sea, p. 34; Crevelde M. L. Hitler's strategy, p. 35.

⁶ Ansel W. Hitler and Middle Sea, p. 31—32.

леком будущем утвердиться не только в Румынии и Болгарии, но и в южной зоне Балкан. Тезис о борьбе с Англией, с возможным Салоникским фронтом стал удобным предлогом не только для Муссолини, но и для Гитлера.

Встреча на Бреннере стала важным пунктом углубления борьбы держав оси с Лондоном на Балканах и в Средиземноморье, но она показала неизбежность острого соперничества между Римом и Берлином. Ввод немецких войск в Румынию, начавшийся 8 октября без предварительного уведомления партнера по оси, был нарушением не только духа, но и буквы «стального пакта». Рим потребовал согласия на ввод в Румынию хотя бы символического контингента итальянских сил, но Берлин отказался дать его. Тогда 15 октября руководство Италии решило форсировать захват Греции, опасаясь опоздать в той гонке за Балканы и Восточное Средиземноморье, что началась между партнерами по оси⁷.

К тому времени англичане активно обсуждали планы своих действий в Восточном Средиземноморье. В связи с усилением внимания держав оси к этому району и возобновлением 5 сентября английских гарантий Греции в Лондоне рассматривали вопрос о позиции Турции в случае нападения Италии на Грецию. Британский посол в Афинах М. Палерет предложил план активных действий со стороны турок: сковать болгар во Фракии, перехватывать итальянские суда в Эгейском море, провести морские операции против Додеканес и даже подключиться к воздушным операциям против Италии с греческих аэродромов. Но комитет начальников штабов отклонил этот план и поддержал мнение посла в Турции Х. Хьюджессена: не настаивать на вступлении Турции в войну, ибо это не предотвратит захвата Греции итальянцами, но значительно ухудшит для англичан ситуацию в зоне Проливов. Англия должна добиваться закрытия Проливов, разрыва дипломатических отношений с Римом и создания помех судоходству Италии в Эгейском море. Неразумно и нереально требовать от турок передачи грекам вооружения и займа, полученных от Лондона по договору 19 октября 1939 г.⁸ Если Турция помимо своего желания окажется в войне, ее главной задачей, с точки зрения интересов Англии, должно стать прикрытие Проливов. И Хьюджессен, и комитет начальников штабов решительно возражали против участия турецких ВВС и флота в боевых операциях в Эгейском море, чтобы не ослабить силы турок в Проливах.

1 октября англичане из надежного источника получили сведения о следующей схеме стратегических действий держав оси в Средиземноморье в ближайшее время. 1. Германия намерена

⁷ Смирнова Н. Д. Балканская политика фашистской Италии, с. 184; Филатов Г. С. Крах итальянского фашизма, с. 182.

⁸ PRO, Cab. 80/11, COS(40)743 (далее — Cab.).

выиграть войну в Египте, считая его «слабейшей частью Британской империи». 2. Из трех возможных направлений действий партнеров по оси — через Испанию, Италию и Балканы — последнее «в определенном отношении самое заманчивое. Германия стремится сохранить мир на Балканах. Выбор этого пути приводит к войне с Турцией, но в Берлине обдумывают, не удастся ли локализовать ее», отеснив Турцию непосредственно к Проливам. 3. Италия стремится к нападению на Грецию, и вполне возможно, что «в случае выбора немцами балканно-средиземноморского направления Италии вместе с Болгарией будет позволено атаковать Грецию»⁹. Как видно, эта информация довольно точно отражала замыслы гитлеровцев в Восточном Средиземноморье. Но самое важное в том, что она подтверждает согласие Гитлера на «греческое предприятие» Муссолини.

Таким образом, в Лондоне знали, что державы оси готовятся действовать в Средиземноморье по двум сходящимся направлениям: Ливия — Египет — Суэцкий канал и Греция — Турция — Сирия — Суэцкий канал. Оба пути были опасны для Англии, но пока в Лондоне не знали, на каком направлении немцы будут более активны. 3 октября А. Иден, военный министр и глава комитета по Ближнему Востоку, представил Черчиллю меморандум с анализом возможных действий оси на данном театре. Он считал наиболее вероятным удар гитлеровцев в Северной Африке и предлагал спешно увеличить британские силы здесь, чтобы попытаться еще до прибытия немцев в Ливию отбить итальянцев и даже перейти в контрнаступление. Неудача Италии оказала бы благоприятное воздействие на Грецию и Турцию, последняя могла бы вступить в войну при нападении Муссолини на греков¹⁰.

Меморандум Идена обнаружил сильные, но еще в большей мере слабые стороны взглядов британского руководства на перспективы борьбы в Восточном Средиземноморье. К первым относится вывод о намерении Германии вмешаться в боевые действия в Северной Африке и предложение использовать разногласия партнеров по оси и нанести поражение итальянцам до прибытия более сильного противника. Верно оценивалась слабость Италии и возможность воздействия ее разгрома на страны Средиземноморья. Очевидной слабостью документа была недооценка возможности вторжения Италии в Грецию и германского продвижения в восточный бассейн. Вероятно, Иден не знал об информации, полученной Форин Оффисом 1 октября. Сыграло свою роль стремление главы комитета по Ближнему Востоку заострить внимание на североафриканской ситуации, чтобы поскорее отправить в Египет 4 танковых полка и

⁹ PRO, FO 371/24 385, C 10 721/5/18 (далее — FO).

¹⁰ E den A. The Reckoning. L., 1964, p. 561—562.

бригаду 6-й австралийской дивизии. В тот же день его предложение было принято¹¹.

6 октября, после обсуждения данного меморандума, было решено направить Идена на Ближний Восток. Причиной визита была названа необходимость определить возможности контрнаступления в Египте, а также встреча с главой ЮАС Я. Смэтсом для обсуждения ситуации в Африке и расширения помощи Лондону со стороны Претории на данном театре. Но подлинной причиной посылки Идена было стремление не упустить момент, когда развернутся события на главном направлении борьбы — Южные Балканы и Турция. Накануне Анкара выразила желание направить в Египет военную делегацию, чтобы выяснить на месте, насколько реальны шансы англичан задержать продвижение держав оси через дельту Нила в Палестину и Сирию. 6 октября Черчилль упомянул совещание с турками как одно из заданий Идену, поставив его после встречи со Смэтсом. Но 8 октября комитет Идена, обсудив ситуацию на Балканах и вопрос о встрече с турками, сделал вывод: «Ввиду событий в Румынии и сообщений об интересе, проявленном Советским Союзом к Египту, необходимо приложить все усилия, чтобы убедить турок в прочности наших позиций на Ближнем Востоке». 9 октября Черчилль назвал совещание с турецкой делегацией важнейшей задачей поездки Идена¹².

Обращает внимание замечание об «интересе Советского Союза к Египту», т. е. стремлении СССР установить дипломатические отношения с этой страной. Прямая связь, проводимая англичанами между этой заинтересованностью и своим желанием убедить турок в способности Лондона сдержать германо-итальянский натиск на Египет, говорит о серьезных опасениях правительства Черчилля за позицию Анкары в случае вторжения держав оси в зону Проливов, не говоря уже о наступлении на Суэцкий канал. Очевидно англичане полагали, что уверенность Турции, а также Советского Союза в прочности подступа к Малой Азии со стороны канала усилит противодействие этих стран попыткам Германии утвердиться в Проливах.

Германская акция в Румынии заставила Лондон уточнить свое представление о взаимосвязи и относительной важности различных направлений агрессии держав оси на данном театре. Затем поступили сообщения послов из Мадрида и Анкары о результатах встречи на Бреннере. В дискуссии 9 октября военный кабинет, считая по-прежнему наиболее вероятным ливийско-египетский путь наступления, все же поручил начальникам штабов «изучить возможности и последствия продвижения противника через Балканы и Сирию на Ближний Восток»¹³.

¹¹ Cab. 66/12, WP(40)406.

¹² Cab. 65/15, WM(40)268; Cab. 95/2, ME(M)(40)10; Eden A. The Reckoning, p. 143.

¹³ Cab. 65/15, WM(40)268.

15 октября. Форин Оффис получил тревожное донесение Х. Хьюджессена, который так обрисовал политику и стратегию держав оси, принятые на Бреннере: решительное участие Германии в делах Африки и Средиземноморья; одновременная атака на Гибралтар, Египет и Суэцкий канал, при этом Германия будет играть главную роль на Балканах в продвижении к Суэцкому каналу, а Италия — непосредственно в бассейне центрального Средиземноморья; Румыния, помимо плацдарма для демонстрации германских сил перед Советским Союзом, будет использована как база против Греции и Турции¹⁴. Это сообщение довольно точно оценивало значение бреннерских решений и обращало внимание Лондона на серьезную опасность вторжения немцев в зону Проливов и Восточное Средиземноморье. Еще накануне решения комитета обороны (узкий состав военного кабинета плюс начальники штабов) об укреплении Мальты и Александрии и распоряжение Черчилля об усилении флота Каннингхэма и эскадры в Гибралтаре были связаны главным образом с предупреждением угрозы из Ливии¹⁵. Ознакомившись с донесением Хьюджессена, комитет обороны пришел к выводу, что балкано-средиземноморское направление становится не менее опасным, чем североафриканское. «Ситуация быстро меняется,— заявил Черчилль,— и вывод меморандума «Будущая стратегия» о том, что «Германия едва ли двинется на Балканы в ближайшем будущем», уже не соответствует действительности». Одновременно он подчеркнул, что в остальном меморандум сохраняет свое значение и он, Черчилль, «в принципе согласен с духом и основными выводами документа»¹⁶.

Таким образом, на передний план выдвигался тезис британских стратегов о желательности «конфликта между Германией и Россией на Балканах или в любом другом месте». По существу это была реверсия, обратная формула известного утверждения Гитлера о том, что решающей надеждой Англии на выживание остается Советский Союз¹⁷. Гитлеровцы уже летом 1940 г. пришли к выводу, что основным средством выиграть войну и не допустить победы Англии является молниеносное уничтожение Советского Союза вермахтом. А это означало решительный поворот Германии на Восток и развязывание войны против СССР, на что и делало главную ставку британское руководство осенью и зимой 1940 г.

Вывод о близком кризисе в балкано-средиземноморской ситуации имел важное значение для миссии Идена. 14 октября он прибыл в Каир и тотчас встретился с турецкой делегацией. Он

¹⁴ FO 371/24 385, C 10 964/5/18.

¹⁵ Cab. 66/13, WP(40)422 — DO(40)34.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Гальдер Ф. Военный дневник, т. 2, с. 48, 80, 186; Cab. 80/17, COS(40)683, p. 47.

сообщил в общих чертах планы наращивания британских сил в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке. Главным моментом переговоров было предложение направить в Турцию английскую военную миссию¹⁸. Хотя официально она должна была помочь туркам овладеть английской техникой, поставки которой возобновились с сентября 1940 г., подлинный смысл предложения состоял в попытке создать средство более эффективного воздействия на Турцию в предстоявшей борьбе с Германией. Кроме того, сам факт отклонения или принятия миссии становился важным показателем ближайших намерений Анкары: пойдет ли она навстречу Берлину или будет твердо защищать Проливы. Турки в принципе приняли предложение, о чем Иден срочно телеграфировал в Лондон. Черчилль еще больше утвердился в мысли, что на Балканах и в Восточном Средиземноморье назревают серьезные события и присутствие Идена в Каире крайне важно. 16 октября он ответил ему: «Продолжайте контролировать положение на месте и не спешите с возвращением домой». Хотя Иден утверждает, что речь шла о ситуации в Египте, Судане и Эфиопии, очевидно, что Черчилль имел в виду Балканы и Восточное Средиземноморье¹⁹.

Выше отмечалось, что в результате сложного переплетения единства и противоречий интересов держав оси их отношения к середине октября 1940 г. определялись нарастающим соперничеством. Именно в этом плане следует оценивать решение Италии провести операцию против Греции. Но замыслы Муссолини не были тайной для гитлеровцев. 18 октября в Берлине получили донесение представителя ОКВ при итальянском генштабе Э. Ринтелена о подготовке нападения, затем последовали многочисленные сообщения — от посла в Риме Макензена, представителя люфтваффе при итальянских ВВС генерала Поля, а также из Белграда, Софии, Анкары, Тираны. Большинство из них получено в Берлине до отъезда Гитлера на встречу с Петэном и Франко²⁰. Против греческого предприятия Муссолини выступал германский МИД, но Гитлер заметил Риббентропу: «Никаких вопросов в Рим». ОКВ и штабы родов войск в целом спокойно восприняли известия о планах итальянцев, они были уверены, что Гитлер дал младшему партнеру на Бреннере «зеленый свет». Когда Кейтель усомнился в разумности такой позиции и предложил просигналить в Рим «руки прочь от Греции», Гитлер поставил его на место²¹.

Тактика Гитлера накануне греческой кампании — молчаливое одобрение и никаких бесед со своими военными совет-

¹⁸ Eden A. *The Reckoning*, p. 150.

¹⁹ Eden A. *The Reckoning*, p. 154.

²⁰ KTB OKW, Bd. 1, S. 123, 125; DGFP, ser. D, v. 11, N 194; Crevel M. L. *Hitler's strategy*, p. 39.

²¹ DGFP, ser. D, v. 11, p. 302; Crevel M. L. *Hitler's strategy*, p. 40.

никами — вытекала из острого соперничества партнеров. Он опасался, что излишнее любопытство в запросах в Рим приведет к нежелательным последствиям: в порядке взаимности Муссолини потребует сообщить о германских планах на Балканах, а это не входило в расчеты гитлеровцев. Они понимали, что после румынской акции итальянцы будут весьма чувствительны к такого рода делам и что излишняя подозрительность Рима может испортить сложную игру Берлина. Но самое главное в том, что Гитлер считал, что действия Италии в целом укладываются в «единую стратегию» оси, принятую на Бреннере. Правда, в Берлине имелись некоторые сомнения на сей счет, но Гитлер внимательно следил за ситуацией в Средиземноморье, особенно в восточном бассейне, побуждая и своих советников, и итальянское руководство не отклоняться от общей концепции борьбы. Когда на совещании с руководством ОКХ 24 октября возникло подозрение, что в греческом предприятии Рим намерен ограничиться овладением островом Корфу и близлежащим побережьем, Гитлер назвал это глупостью. Он подчеркнул, что «война в Восточном Средиземноморье быстро закончится полной победой, если будет захвачен Крит»²².

До 25 октября Гитлер, очевидно, не слишком верил в скорое начало греческой операции, так как предыдущие донесения опирались на косвенные и потому недостаточно надежные источники. Но в тот день, кроме письма дуче, где прямо говорилось о скором решении греческой проблемы, Гитлер получил донесение от Макензена, где со ссылкой на шефа кабинета Чиано подтверждалось, что нападение на Грецию «определенно начнется в конце этой недели», т. е. 26—27 октября²³. И Гитлер немедленно решил перенести уже назначенную на 3—4 ноября встречу с Муссолини на 28 октября. Свидание было ускорено не для предотвращения атаки на Грецию, а для того, чтобы она стала частью германских планов в Северной Африке и Восточном Средиземноморье.

24—26 октября ОКВ и ОКХ обсуждали вопросы участия немецких войск в операции против Египта и в Восточном Средиземноморье. Хотя итальянцы сознательно препятствовали посылке немецких частей в Ливию, о чем убедительно говорили результаты рекогносцировки генерала Тома, гитлеровцы упорно стремились синхронизировать возобновление наступления в Египте с греческой операцией²⁴. 25 октября в ОКВ были сформулированы предложения о составе экспедиционных сил в Ливию и их подчиненности на театре войны. На первых порах командир немецкого соединения должен был подчиняться непосредственно командующему итальянскими войсками в Север-

²² Гальдер Ф. Военный дневник, т. 2, с. 201.

²³ DGFP, ser. D, v. 11, N 302; Crevelde M. L. Hitler's strategy, p. 44.

²⁴ Гальдер Ф. Военный дневник, т. 2, с. 197, 199, 203; КТВ ОКВ, Bd. 1, S. 124, 143.

ной Африке маршалу Грациани, в дальнейшем предполагалось создание совместного верховного командования. 26 октября, после телеграммы Ринтелена, в которой со ссылкой на Бадольо операция против Греции изображалась как серьезный удар по британскому господству в Восточном Средиземноморье, ОКВ утвердил рекомендации о составе войск для Ливии с учетом рекогносцировки Тома²⁵.

Все три сектора военного руководства Германии считали очень важным захват Крита в рамках греческой операции. Особенно решительно в этом плане выступало ОКХ. Оно лучше представляло трудности включения немецких войск в египетскую операцию и потому настаивало на расширении и углублении балкано-средиземноморского направления «единой стратегии». Штаб ОКХ считал, что даже одновременного взятия Египта и Крита недостаточно и что необходимо провести наступление через Проливы, Анатолию и Сирию, чтобы изгнать англичан из восточного бассейна. Правда, там признавали, что данная идея «затрагивает серьезные политические вопросы, разрешить которые может только высшее руководство»²⁶.

Но в Берлине в этот момент не могли разрешить не только указанные политические вопросы, но даже проблему включения греческой операции в «единую стратегию», о чем свидетельствуют результаты встречи диктатора во Флоренции 28 октября. Муссолини оставил без ответа предложение фюрера об участии немецких войск в операциях в Египте и двух десантных дивизий для захвата Крита. И это несмотря на то, что Гитлер ни слова не сказал против нападения на греков. Итальянцы отклонили общую схему ОКВ для совместной борьбы в Восточном Средиземноморье, которая предполагала быстрое возобновление наступления в Египте и взятие Мерса-Матруха, массированные удары с воздуха по британской эскадре в Александрии с участием люфтваффе и затем широкие операции против островной Греции с обязательным овладением Критом. 29 октября Рим известил своего союзника, что вторая фаза наступления в Египте откладывается на неопределенное время и что вопрос о посылке немецкой танковой дивизии в Ливию не стоит в повестке дня²⁷.

Таким образом, во всех трех вопросах, от которых зависело осуществление восточносредиземноморского направления «единой стратегии» Германии (операция против Крита, принятие немецких войск в Ливии и создание условий для их переброски на театр войны) руководство Италии не пошло навстречу Берлину. Муссолини понимал, что «единая стратегия» приведет к установлению господства Германии в этом районе. Дуче рас-

²⁵ КТВ ОКВ, Bd. 1, S. 126, 128—129, 131.

²⁶ Гальдер Ф. Военный дневник, т. 2, с. 205—206.

²⁷ DGFP, ser. D, v. 11, N 246; КТВ ОКВ, Bd. 1, S. 132.

считывал, что Италия самостоятельно, пусть с большей затратой времени, реализует планы изгнания англичан из Восточного Средиземноморья и вместе с тем не позволит своему партнеру утвердиться там.

Именно срыв замысла использовать греческую операцию как составную часть «единой стратегии» привел к решительному повороту в настроении Гитлера. 1 ноября он заявил своему окружению, что «весьма неохотно согласился с итальянским замыслом в Греции, перспективы которого в любом отношении он оценивал негативно». Гитлер, мастер лжи и фальсификации, остался верен себе. Он заявил своим военным советникам, что решительно отклоняет идею совместных операций с итальянцами, хотя еще несколько дней назад Берлин добивался проведения совместных операций в Египте и Восточном Средиземноморье. В записях на полях дневника ОКВ, суммировавших содержание бесед 1 ноября, — еще более ложная версия о позиции Гитлера в отношении греческого предприятия: «Фюрер конечно не знал о намерениях Италии»²⁸.

Изменение официальной позиции Берлина относительно действий Муссолини произошло в тот момент, когда итальянские войска еще продвигались вперед и провал наступления еще не обозначился. Кроме того, греки отказались капитулировать, и это обстоятельство в условиях отказа Муссолини поддержать «единую стратегию» оказалось на руку гитлеровцам. Таким образом, еще раз подтверждается вывод, что поворот в позиции Германии был вызван именно отказом Италии. Несколько позже к нему добавился другой фактор — недовольство Берлина неблагоприятным изменением балканской ситуации в связи с явной неудачей итальянского блицкрига.

Подготовка нападения Италии на Грецию не была тайной и для Англии. Правительство Черчилля считало, что греки обречены и что, с английской точки зрения, речь должна идти только об удержании Крита. 21 октября военный кабинет восстановил в полной силе концепцию обязательного овладения островом в случае вовлечения Греции в войну. Ничего иного греки не могли ожидать от своего гаранта²⁹.

28 и 29 октября в Лондоне обсуждали греческую проблему. Правительство решило немедленно овладеть Критом, даже если Афины будут возражать и независимо от того, капитулирует Греция или продолжит борьбу. Вечером 29 октября эскадра Каннингхэма вышла в море. Ничего другого Лондон не обещал грекам в эти критические дни. Хотя посол М. Палерет оказал нажим на греческого диктатора Метаксаса, чтобы тот не принял ультиматум, особых надежд англичане не питали.

²⁸ KTB OKW, Bd. 1, S. 147.

²⁹ Cab. 79/7, COS(40)355; Koliopoulos J. S. Greece and the British collection 1935—1941. Oxford, 1977, p. 142.

И Лондон, и ближневосточное командование не обещали даже символическую помощь воздушными силами, о чем просил Палерет для поддержки своего демарша³⁰.

31 октября в позиции англичан наметились изменения. Командующий английскими ВВС на Ближнем Востоке Лонгмор сообщил в Афины, что готов направить в Грецию «символическое подкрепление в размере одной эскадрильи». Черчилль немедленно одобрил это решение. Главной причиной изменения позиции Англии стало осознание серьезной опасности воздействия прежней тактики в греческом вопросе на Турцию. Военный атташе Англии в Турции генерал А. Смит, прибывший в Анкару незадолго до начала итальянской агрессии, сообщал в эти дни, что турецкое правительство готово обсуждать вопросы оказания британской помощи в случае германской агрессии против турок, но оно нуждается в демонстрации готовности и способности Англии действовать в нынешней сложной ситуации. В условиях, когда греки не сдались и просили оказать хотя бы небольшую помощь авиацией, дальнейшее уклонение от нее могло окончательно подорвать английское влияние не только и даже не столько в Греции, сколько в Турции. Последняя, с точки зрения прикрытия британских позиций на Ближнем Востоке, была важнее Греции. Действительно, как только Лондон изменил тактику в греческом вопросе, Анкара 1 ноября публично подтвердила «прочность и нерушимость союзнических уз, связывающих Турцию и Англию»³¹.

1 ноября военный кабинет Англии обсудил перспективы развития обстановки в Греции и Восточном Средиземноморье в связи с новой ситуацией. Начальники штабов представили меморандум, в котором излагались «возможности и последствия продвижения противника через Балканы и Сирию на Ближний Восток». Британские стратеги полагали, что Германия своей румынской акцией добилась следующих основных целей: обеспечила свои интересы в Румынии (особенно нефть и коммуникации), предупредила возможность «какого-либо дальнейшего русского продвижения к Проливам» и создала плацдарм для последующей экспансии. Немцы имеют достаточно свободных сил, чтобы осуществить бросок на Ближний Восток следующими тремя фазами. 1. Мирная оккупация Болгарии, разгром Греции итальянцами, возможно, с немецкой помощью и последующая изоляция Югославии. 2. Вступление в турецкую Фракию и создание предмостных укреплений на восточном берегу Проливов к концу 1940 г. даже в случае сопротивления турок. 3. Закрепление в Анатолии, наступление в Сирию и Ирак весной или в начале лета 1941 г.³²

³⁰ Cab. 21/1182, 19/10/162, pt. 4; Cab. 65/15, WM(40)278; Cab. 79/7, COS(40)362.

³¹ Cab. 65/15, WM(40)281; Cab. 66/13, WP(40)431; The Times, 1940.1.11.

³² Cab. 66/13, WP(40)431.

В те же дни гитлеровцы обсуждали возможности своих действий в Восточном Средиземноморье в условиях отказа Италии от «единой стратегии». ОКХ подготовил доклад на основе упомянутой идеи Гальдера о «проходе немецких войск через Босфор в Сирию». Для проведения операции требовались 3 моторизованных корпуса и 6 месяцев срока при условии положительного решения политического вопроса, т. е. согласия Болгарии и Турции на пропуск немецких войск через их территорию. Хотя в целом план не был принят, Гитлер приказал на всякий случай подготовить вариант быстрого вторжения в Турецкую Фракию и выхода к Эгейскому морю и Проливам, что соответствовало первым двум фазам британского прогноза³³.

Таким образом, угроза позициям Англии в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке становилась все более реальной. В то же время британское руководство не надеялось даже к началу 1941 г. иметь достаточно сил, чтобы справиться с этой опасностью в дополнение к сохранявшейся угрозе итало-германского наступления в Египет. Правда, решение Гитлера отказаться от посылки в Ливию танковой дивизии до конца 1940 г. несколько облегчало положение. Муссолини увяз в Греции, и это открывало возможность контрудара англичан в Северной Африке. Но все это выявилось несколько позже. А пока правительство Черчилля было вынуждено опираться на Турцию как главную преграду германскому продвижению в Сирию и Палестину, хотя и понимало слабость своей опоры. Тем важнее было усилить британское влияние в Турции путем проведения новой тактики в греческом вопросе.

Однако в английском руководстве возникли разногласия по поводу предоставления грекам даже символической помощи, о чем свидетельствует переписка Черчилля и Идена, который в первую неделю ноября оставался на Ближнем Востоке. Военный министр поддержал Уэйвелла, не желавшего направить в Грецию новые эскадрильи, кроме объявленной 31 октября. Иден считал, что это «поставит под угрозу все наши позиции на Ближнем Востоке и нарушит планы наступательных операций на нескольких фронтах», т. е. в Египте, Кении, Эфиопии³⁴.

Идена не убедила и телеграмма Черчилля 2 ноября, в которой премьер-министр, поддержанный начальниками штабов, твердо заявил, что оказание помощи грекам «должно получить теперь высший приоритет над другими требованиями, в противном случае **все позиции в Турции** (выделено нами. — А. Ч.) будут потеряны». 3 ноября совещание в Каире с участием Идена, трех командующих — Уэйвелла, Лонгмора и Каннингхэма — и посла в Египте М. Лэмпсона подтвердило мнение военного министра: Египет стратегически важен, Греция — нет.

³³ Гальдер Ф. Военный дневник, т. 2, с. 217.

³⁴ Eden A. The Reckoning, p. 168.

«Весьма вероятно, что вся греческая операция задумана как большая диверсия, чтобы ослабить наши позиции»³⁵. Иден, полагая, что Черчилль настаивает на своем, поскольку не представляет масштабов подготовки крупного наступления Уэйвелла против итальянцев, в тот же день личным шифром премьер-министра сообщил о будущей операции «Компас». Однако 4 ноября Лондон распорядился направить в Грецию еще 4 эскадрильи вместе с зенитным прикрытием. Эту помощь Черчилль считал минимально необходимой для сохранения союза с Турцией. Ближневосточное командование подчинилось, но Иден предупредил, что это предел, за которым Уэйвелл не отвечает за ситуацию в Египте³⁶.

Факт разногласий в английском правительстве в вопросе отправки авиации на Балканы станет еще более значительным, если учесть, что Черчилль не только убрал телеграмму Идена 3 ноября из ежедневной секретной сводки для членов военного кабинета под предлогом избежания утечки информации, но и умолчал о ней даже в своих мемуарах. Опустил ее и Иден, хотя его мемуары появились 15 лет спустя³⁷.

Причина такой сдержанности в раскрытии настроений британской верхушки осенью 1940 г. кроется в большом риске военно-политической игры, которую вел английский кабинет, и прежде всего Черчилль, ставя на карту судьбу Египта. Премьер-министр, вероятно, полагал, что кое-кто из его коллег не поймет, что курс в отношении Греции не менее важен, чем безопасность Египта, вернее, сама безопасность Египта в значительной степени зависит от греческой политики Лондона. Эта политика до сих пор вызывает полемику в политических и научных кругах английской буржуазии, причем позиция Черчилля часто критикуется как неоправданно рискованная.

По возвращении в Лондон Иден не оспаривал решения послать в Грецию 4 эскадрильи, но его запись в дневнике 8 ноября проливает новый свет на истоки и значение разногласий в британском кабинете: «Слабость нашей политики в том, что мы никогда не придерживаемся принятых планов. Если мы когда-либо думали помочь Греции, следовало заранее подготовить план. Вместо этого мы приняли сознательное решение не делать этого, а сейчас идем на попятный и пытаемся импровизировать в воздухе за счет воздушной мощи»³⁸. Эта запись, также опущенная в мемуарах, помимо откровенного признания в отсутствии всяких планов помощи Греции в момент нападения на нее, важна тем, что она еще раз показывает неадекватность Черчилля, глубину риска в политике Англии в Вос-

³⁵ Churchill W. S. The Second World War. Boston, 1949, v. 2, p. 536—538; Eden A. The Reckoning, p. 169.

³⁶ Cab. 65/16, WM(40)282; Eden A. The Reckoning, p. 179.

³⁷ Cruickshank Ch. Greece 1940—1941. L., 1975, p. 52—54.

³⁸ Koliopoulos J. S. Greece and the British connection, p. 179.

точном Средиземноморье. Иден вопреки желанию свидетельствует, что «крики о помощи грекам» были политическим орудием группы Черчилля в борьбе за сохранение британского влияния в Турции и Греции.

Отказ Италии включиться в «единую стратегию» заставил гитлеровцев в начале ноября вновь обсудить вопросы ведения борьбы на данном театре. В результате появилась директива № 18, которая нацеливала вермахт на более основательную подготовку к изгнанию англичан из Восточного Средиземноморья. Подтверждалось стремление использовать немецкие войска в Ливии и Египте. Началась подготовка группировки сухопутных сил для захвата Северной Греции, чтобы держать Турцию под угрозой удара в направлении Проливов и одновременно создать плацдарм для действий люфтваффе против англичан в восточном бассейне³⁹.

В связи с неспособностью и нежеланием Италии форсировать борьбу за Египет, а также явной слабостью в Греции часть военных кругов в Берлине настаивала на немедленном включении германских сил в войну на Средиземном море и оттеснении Рима от руководства общей борьбой на данном театре. 14 ноября ОКМ представил развернутую программу войны в Средиземноморье. В ней говорилось, что «Италия никогда не осуществит наступление в Египте и что англичане возьмут инициативу в свои руки и, «опираясь на свое в данный момент неоспоримое превосходство в восточном бассейне, смогут настолько укрепиться там, что их флот невозможно будет изгнать из Средиземного моря»⁴⁰. Смысл программы ОКМ заключался в том, чтобы Германия целиком взяла на себя общее руководство борьбой держав оси на данном театре, а это шло гораздо дальше директивы № 18. Подчеркивалось, что господство держав оси в восточном бассейне «имеет решающее значение — и стратегически и экономически — для дальнейшего ведения войны, возможно, даже решающее для исхода всей войны»⁴¹.

Гитлер был согласен со многими предложениями ОКМ, особенно в отношении «негодности руководства Италии», но не принял тезиса о том, что борьба на этом театре с последующим воздействием на Африку и Ближний Восток решит исход всей войны. По существу это была полемика с фюрером в духе сентябрьских предложений адмирала Редера: отложить счеты с Россией на период после разгрома Англии и решительно двинуться через Суэцкий канал и Турцию на Ближний и Средний Восток. Но Гитлер уже сделал выбор, приказав продолжать

³⁹ KTB OKW, Bd. 1, S. 152—153; Hitler's War directives. Ed. by H. Trevor-Roper. L., 1965, p. 39—42.

⁴⁰ Fuehrer Conferences on Naval Affairs 1939—1945. L., 1947, v. 1940, p. 126.

⁴¹ Fuehrer Conferences on Naval Affairs 1939—1945, v. 1940, p. 128.

разработку операции против СССР независимо от результатов предстоявших германо-советских переговоров⁴². Одновременно Берлин расширил свои замыслы на данном театре в духе рекомендаций ОКМ. 18—19 ноября немцы добились согласия Италии на создание двух оперативно-тактических зон. Действия из Албании против Греции и борьба в Египте вошли в итальянскую зону, восточная часть Средиземноморья становилась германской. 19 ноября Гитлер приказал расширить план греческой операции в рамках директивы № 18, включив в нее весь греческий материк, тогда же она получила кодовое название «Марита»⁴³.

В Лондоне понимали, что осечка держав оси в Греции давала некоторые шансы на укрепление позиций в Восточном Средиземноморье, особенно в Турции. 7 ноября военный кабинет одобрил важную программу действий в этой зоне. Решено было ускорить переброску подкреплений на Ближний Восток, ибо в тот момент англичане при всем желании не могли оказать туркам даже символическую помощь, — срочно направить Лонгмору по 4 эскадрильи истребителей и бомбардировщиков, освободившихся после снижения интенсивности германских налетов на Англию; сформировать военную миссию для Турции и направить ее в Каир, чтобы она немедленно отправилась в Анкару по получению согласия турок. Было решено добиваться, чтобы, в случае наступления Германии к Проливам, турки не стремились дать бой во Фракии, где они наверняка будут разгромлены, а закрепились бы на азиатском берегу Проливов⁴⁴. Для разработки долгосрочной программы кабинет предложил военным министерствам и планирующим органам следующую установку: сосредоточить к весне 1941 г. на Ближнем Востоке такие силы, которые были бы способны не только оказать реальную помощь Турции, но совместно с ней оккупировать Сирию и обеспечить безопасность Ирака⁴⁵.

Сложность положения Турции в условиях итало-греческой войны, а также попытки гитлеровцев ослабить англо-турецкие связи вызвали разногласия в английском правительстве в вопросе позиции Анкары относительно Греции. 8 ноября Форин Оффис поддержал мнение Хьюджессена и Смита о необходимости сохранения турецкого нейтралитета. Оно исходило не только из желания самих турок уклониться от оказания прямой военной помощи Греции. Главное состояло в том, что Турция была для Англии «барьером против собственного германского наступления в Анатолию, которое развернется к весне

⁴² Гальдер Ф. Военный дневник, т. 2, с. 243—244.

⁴³ КТВ ОКВ, Bd. 1, S. 179—180.

⁴⁴ Cab. 66/13, WP(40)431.

⁴⁵ Cab. 66/13, WP(40)431.

1941 г., если не раньше». И потому незачем истощать ее в борьбе с Италией⁴⁶.

Форин Оффис также исходил из того, что, если греки «с нашей помощью» отразят наступление итальянцев, на Балканах возникнет тупик. Гитлеровцы в таком случае едва ли придут на помощь Италии: либо они «еще не будут готовы к продвижению через Болгарию и Югославию», либо не захотят делать этого. Напротив, если турки придут на помощь грекам, немцы определенно вмешаются⁴⁷.

Эта точка зрения и была в основе политики Лондона в турецком вопросе в начале ноября 1940 г. Своей рекомендацией Анкаре избегать ввязываться в бои во Фракии комитет начальников штабов в сущности придерживался той же позиции, особенно в связи с предположением, что действия партнеров по оси на Балканах согласованы и что Германия лишь ожидает выступления Турции, чтобы отсечь ее от Проливов и заставить капитулировать. В действительности указание ОКВ 4 ноября о разработке плана вторжения в Турецкую Фракию имело в виду пресечь возможные действия Турции в союзе с англичанами для помощи грекам.

Но когда стало ясно, что наступление в Греции провалилось, что оно оказалось «несогласованным» с Берлином, а гитлеровцы пытаются оторвать турок от Лондона, часть военных кругов Англии стала склоняться к мнению М. Палерета о необходимости вступления Турции в войну уже на данной стадии. 13 ноября к этому склонился комитет планирования. Он считал, что вступление турок, возможно, не приведет к немедленному выступлению Германии, в то же время моральное воздействие этого шага Анкары на Болгарию и Югославию, а также на Сирию и Ирак может оказаться весьма значительным. Наконец, в таком случае можно закрыть Проливы для вражеского судоходства. 17 ноября начальники штабов поддержали эту точку зрения⁴⁸.

Вплоть до конца ноября 1940 г. политическое руководство Англии колебалось, какое мнение представить Анкаре в качестве своей официальной точки зрения. Его вводила в заблуждение тактика Берлина, в которой откровенные угрозы перемежались с обещаниями «уважать территориальную целостность и суверенитет» и заявлениями о совместимости англо-турецкого союза с перспективой германо-турецкого сотрудничества. Кроме того, гитлеровцы пытались создать видимость поддержки Советским Союзом требований о присоединении Турции к «новому порядку» в Европе⁴⁹.

⁴⁶ Cab. 80/22, COS(40)912.

⁴⁷ Ibidem.

⁴⁸ Cab. 80/22, COS(40)933JP.

⁴⁹ Чемпалов И. Н. Итало-германская агрессия на Балканах в конце 1940 г.— В сб.: Международные отношения в новейшее время. Свердловск, 1968, с. 184—187.

Едва ли в Лондоне поверили в эту версию, но решили использовать ее. 24 ноября в Каир и Анкару поступили сообщения из Форин Оффиса о «возможной русско-германской агрессии против Турции». В тот же день было решено срочно направить главу британской военной миссии в Турции генерала Дж. Маршалла-Корнуолла в Каир, где он должен ожидать согласия турок на приезд в Анкару⁵⁰. Англичане явно опасались не «русско-германской агрессии», а решительного нажима Берлина на Турцию, в результате чего последняя могла перейти под эгиду Германии при формальном сохранении англо-турецкого союза. В таком случае исчезнет даже слабая надежда на Турцию как на преграду германского наступления на Ближний Восток.

В конечном счете правительство Черчилля сочло за лучшее не подталкивать Турцию к вступлению в войну, а «укреплять ее решимость сопротивляться будущему продвижению Германии через Анатолию». 29 ноября Маршалл-Корнуолл получил инструкции, где запрещалось давать обещания дополнительной военной помощи туркам без санкции Лондона даже в качестве орудия тактики. Тогда же кабинет утвердил план поставок Турции вооружения и снаряжения на 1940—1941 гг. в счет остатков кредитов 1938—1939 гг. Самыми крупными статьями поставок были 4 эсминца и 4 подводные лодки, которые англичане обещали поставить весной-летом 1941 г.⁵¹

Но и мнение о желательности вступления Турции в войну исходило не из желания оказать реальную помощь Греции, а из стремления удержать Анкару на стороне Англии любыми средствами. 25 ноября военный кабинет, обсуждая плюсы и минусы этого курса, отметил: «Решающий фактор всей ситуации в том, что при вступлении Турции в войну мы будем уверены в ее союзе, тогда как если Греция будет повержена раньше (объявления Анкарой войны Италии.— А. Ч.), Турция может принять требования оси вообще без борьбы»⁵². Таким образом, вступление турок в войну мыслилось как средство помешать их возможному переходу под эгиду Германии. Даже активные сторонники быстрого втягивания Турции в войну не надеялись на участие турецких сил в борьбе с Италией на Балканах. В лучшем случае они видели здесь знак предупреждения немцам со стороны Англии о решимости преградить путь в Сирию, Ирак, Палестину. Видный английский историк Дж. Батлер, анализируя дискуссию по этому вопросу в комитете начальников штабов, считает, что британские стратеги отнюдь не имели в виду участие турок в войне против Италии. Объявление войны Анкарой давало бы Лондону «полную уве-

⁵⁰ Cab. 79/7, COS(40)400; Cab. 80/24, COS(40)1006.

⁵¹ Cab. 80/23, COS(40)962, COS(40)964.

⁵² Cab. 65/16, WM(40)295.

ренность», что Турция не совершит поворот на 180° и «впоследствии присоединится к Англии», чтобы «лучше противодействовать наступлению немцев»⁵³.

Другая причина затянувшейся неопределенности позиции Англии в отношении турецкого вступления в войну заключалась в попытках использовать эту неясность как средство дипломатического нажима на Болгарию; чтобы та воздержалась от присоединения к Тройственному пакту. На турок этот нажим оказывался косвенно, в виде намека на возможность требовать выполнения союзных обязательств. Пока же от Анкары требовалось, чтобы та поддержала английское давление на болгар.

Нельзя сказать, чтобы правительство Черчилля добилося в этом больших успехов. Правда, на словах, особенно перед британскими дипломатами, турки одобряли строгие предупреждения Софии. Но это скорее походило на тактическую игру. Ни Англия, ни Турция не собирались нанести удар по Болгарии в случае подписания Софией Тройственного пакта. Более того, 25 ноября, в день очередного сильного нажима Берлина на болгар, турки направили в Софию телеграмму, где предлагалось обсудить возможность турецко-болгарской договоренности «при полном сохранении в высокой политике наших позиций, симпатий и предосторожностей»⁵⁴.

Этот демарш, вероятно согласованный с Лондоном, имел целью отсрочить вступление Болгарии в Тройственный пакт, а в дальнейшем привести к тому, чтобы это вступление не привело к выходу германских войск на болгаро-турецкую границу с угрозой продвижения к Проливам. Поэтому турецкий шаг сопровождался заявлением Форин Оффиса 25 ноября болгарской миссии в Лондоне, что Турция готова выступить на стороне Англии и Греции в случае расширения войны на Балканах. Это было предупреждение в адрес Берлина. Но пределы воздействия англичан даже на союзников, не говоря уже о противниках, были весьма ограничены. Основные надежды возлагались на успех операции «Компас», что могло бы высвободить войска для использования их в борьбе за Турцию и Грецию. 25 ноября — снова совпадение по времени не случайное — Иден в беседе с Черчиллем поднял вопрос о будущих действиях в случае успеха «Компаса». Имелась в виду операция в зоне Салоник. Черчилль одобрил мысль о новом визите Идена на Ближний Восток⁵⁵.

На другой день в телеграмме Уэйвеллу Черчилль развил мысль о значении победы в Египте для положения во всем Средиземноморье, особенно в Турции и Греции. Настаивая на

⁵³ Батлер Дж. Большая стратегия, с. 351; Cab. 80/23, Cos (40)947.

⁵⁴ Чемпалов И. Н. Итало-германская агрессия..., с. 191.

⁵⁵ Eden A. The Reckoning, p. 175.

ускорении операции, он писал: «В случае успеха мы могли дать Турции гораздо более веские заверения в нашей поддержке, чем до сих пор. Можно даже предположить, что центр тяжести борьбы на Ближнем Востоке внезапно передвинется из Египта на Балканы и из Каира в Константинополь»⁵⁶. Как показали события, Черчилль явно преувеличивал значение «Компаса», но его прогнозы в отношении Восточного Средиземноморья в основном подтвердились, хотя и на более короткий срок, чем рассчитывали англичане.

Следует подчеркнуть, что решение Лондона не настаивать на немедленном вступлении Турции в войну было принято сразу после того, как советский демарш (акция Соблева) сорвал присоединение Болгарии к Тройственному пакту, а турецкое правительство почувствовало себя увереннее перед гитлеровцами в связи с дипломатической поддержкой из Москвы⁵⁷. Очевидно, правительство Черчилля пришло к выводу, что сохранение неопределенности его позиции относительно вступления Турции в войну перестало быть тактическим средством и даже могло усилить расхождения между Лондоном и Анкарой.

Разногласия выявились уже в начальной фазе военного сотрудничества двух стран, в частности в вопросе прибытия английской военной миссии в Турцию. 5 декабря турецкий министр иностранных дел Ш. Сараджоглу дал понять Хьюджессену, что Анкара против немедленного прибытия миссии. Отправка ее станет актуальной «лишь тогда, когда турки бесповоротно подойдут к участию в войне». Если же Лондон будет настаивать на своем, турки заподозрят, что «мы (англичане.— *А. Ч.*) хотим подтолкнуть их дальше, чем они намерены идти»⁵⁸.

Действительно, англичане хотели пойти дальше в отношениях с Анкарой, по крайней мере в согласовании военных планов. Успех операции «Компас» только обозначился, а комитет начальников штабов 11 декабря обсуждал планы широкого участия английских сил в Греции и Турции. Здесь впервые зашла речь о создании солидного фронта в Северной Греции в составе примерно 20 дивизий, в том числе четырех британских, и размещении в районе Салоник 4—5 эскадрилий ВВС Англии⁵⁹. Определение Салоникского фронта как «плацдарма» указывает, что англичане намеревались использовать его не только для удержания Греции на своей стороне, но и в более активном качестве, например для нанесения удара по Турецкой Фракии, если немцы двинутся через Проливы в Анатолию.

Таким образом, создание фронта в Салониках рассматривалось в качестве главного средства сохранения союза с Анкарой. Что же касается прямой военной помощи Турции, то она

⁵⁶ Churchill W. S. The Second World War, v. 2, p. 546—547.

⁵⁷ Чемпалов И. Н. Итало-германская агрессия..., с. 197.

⁵⁸ Cab. 80/24, COS(40)1028.

⁵⁹ Ibid., COS(40)1032.

тоже имелась в виду в случае невозможности создания фронта в Северной Греции. Предполагалось послать одну дивизию во Фракию при сохранении коммуникаций в Эгейском море и разместить 7 дивизий в Северо-Западной Анатолии в случае интенсивного использования железной дороги и гавани Измира⁶⁰. Но эти расчеты были скорее благими пожеланиями. Не было никакой уверенности, что англичане найдут эти 7 дивизий, да и противник был намерен прервать коммуникации в Эгейском море.

18 декабря английский кабинет решил вопрос о миссии Маршалла-Корнуолла. Возражения Хьюджессена были приняты во внимание. Военная комиссия под названием группы связи проведет штабные переговоры в Анкаре и возвратится в Каир. В Лондоне надеялись, что турки примут ее под новым титулом. Задачи ее оставались прежними, определенными ноябрьской инструкцией: выяснить способность турок оказать сопротивление немцам и согласовать пути взаимодействия союзных сил⁶¹.

22 декабря комитет начальников штабов направил Уэйвеллу, которому должна была подчиняться группа связи, указания относительно содержания штабных переговоров. Предполагалось обсудить следующие вопросы: 1. Вероятная стадия, на которой Анкара вступит в войну, в частности, если Салоникам возникнет угроза без прямого нападения на Турцию. 2. Турецкие планы в различных допустимых ситуациях, в которых Анкара может решиться вступить в войну. 3. Размеры английской помощи, особенно воздушной, и подготовительные меры для ее принятия. 4. Совместные действия в отношении Сирии⁶². Постановка вопроса о размерах английской помощи очевидно была тактическим ходом с целью выявить военный потенциал и планы другой стороны.

30 декабря Хьюджесен сообщил о готовности турок принять группу связи для переговоров, которые должны начаться в середине января 1941 г. Посол советовал не ставить прямо вопрос о вступлении Турции в войну в случае угрозы захвата Салоник, ибо турецкий генштаб откажется обсуждать его, сославшись на то, что это политическая проблема. Лучше подойти к нему постепенно в ходе переговоров⁶³.

Итак, исследование политики Англии в Восточном Средиземноморье в начальный период итало-греческой войны позволяет сделать следующие выводы. К середине октября 1940 г. правительство Англии сумело верно определить общий замысел «единой стратегии» держав оси на средиземноморском театре и важное значение обоих направлений вероятных дей-

⁶⁰ Cab. 80/24, COS(40)1032.

⁶¹ Cab. 80/24, COS(40)1056JP.

⁶² FO 37/30 028, R 9021/7115/44.

⁶³ Cab. 66/12, WP(40)410.

вий противника. Однако в военном смысле Лондон не мог что-либо противопоставить этой угрозе и занял в целом пассивную позицию, особенно на балкано-средиземноморском направлении фашистской агрессии. Правда, переговоры Идена с турецкой делегацией в Каире несколько укрепили влияние англичан в Анкаре. Вместе с тем, зная о скором нападении итальянцев на Грецию, Англия не планировала предоставить ей какую-либо помощь и лишь готовилась извлечь максимально возможную выгоду для себя — овладеть Критом.

В первые же дни итало-греческой войны обнаружилась слабость и ошибочность этой позиции Лондона, которая могла толкнуть не только греков, но и турок в лагерь Германии. 31 октября правительство Черчилля резко изменило тактику и объявило о посылке на греческий материк символических сил, используя это не только как средство удержать Грецию в войне, но и как орудие сохранения Турцией лояльности к Лондону. При этом обнаружились разногласия в английском кабинете относительно отправки воздушных сил в Грецию.

Провал замыслов «единой стратегии» гитлеровцев и планов «параллельной войны» итальянских фашистов, выявление глубоких противоречий между партнерами по оси открыло для англичан возможность сохранения своего влияния в Греции и Турции. Сложность международного положения Анкары, а также попытки немцев ослабить англо-турецкие позиции вызвали разногласия в правительстве Черчилля относительно позиции Турции в итало-греческой войне. Часть военных кругов выступала с предложением добиться немедленного вступления Турции в войну, но не для оказания реальной помощи грекам, а для гарантии сохранения верности турок союзу с Лондоном. В конечном счете кабинет Черчилля решил не настаивать на вступлении Турции в итало-греческую войну, а «укреплять ее решимость сопротивляться будущему германскому продвижению через Анатолию». Это содействовало некоторому сближению Англии и Турции в конце 1940 г. и достижению соглашения о проведении военных переговоров двух стран.

Решение важного для Англии вопроса в отношениях с Турцией совпало с завершением второй фазы военно-политической борьбы в Средиземноморье. С января 1941 г. началась новая фаза борьбы, в которой политика Лондона на данном театре приобрела еще более важное значение.